

YAROSLAVA GUDZOVA

В ПОИСКАХ «ПОЛОЖИТЕЛЬНО ПРЕКРАСНОГО ЧЕЛОВЕКА»: ЭВОЛЮЦИЯ АВТОРСКОГО ИДЕАЛА В ТВОРЧЕСТВЕ ИВАНА ШМЕЛЕВА

Вопрос о традиционализме творчества Ивана Сергеевича Шмелева на сегодняшний день не вызывает сомнений. Более того, находит все больше подтверждений факт схождения в художественной системе автора *Путей небесных* традиций православной и модернистской литературы (Gvozdk 15-27). В настоящем исследовании речь идет о достраивании ценностей, «составляющих достояние общества, народа, человечества» (Khalizev 353), прежде всего в направлении поисков положительного героя.

Цель данной работы состоит в осмыслении характера эволюции авторского идеала Шмелева и художественного воплощения положительного героя в творчестве прозаика с учетом литературного опыта предшественников.

Изучение открытий Шмелева в этой области невозможно без постижения художественных достижений прошлого, тем более что сам писатель высоко ценил заслуги русской литературы в изображении идеального или близкого к идеалу персонажа.

Процедура исследования включает возможности сравнительно-исторического, типологического и биографического методов анализа в сочетании с системным подходом. Особое внимание уделено образам потерявшихся

Ярослава Олеговна Гудзова, доктор филологических наук, доцент – Московский международный университет, кафедра гуманитарных наук; адрес для почтовых отправлений: Ленинградский проспект, д. 17, 125040, Москва; e-mail: disava@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6441-8156>.

YAROSLAVA OLEGOVNA GUDZOVA, Doctor in philology, Associate Professor – Moscow International University, Department of Humanities; correspondence address: Leningradskiy prospekt, 7, 125040, Moscow; e-mail: disava@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6441-8156>.

YAROSLAVA OLEGOVNA GUDZOVA, doktor filologii, profesor nadzwyczajny – Międzynarodowy Uniwersytet Moskiewski, Wydział Humanistyczny; adres do korespondencji: Ленинградский проспект, д. 17, 125040, Moskwa, Rosja; e-mail: disava@yandex.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6441-8156>.

в революционном хаосе героев-разночинцев, а также представителям простого народа, противопоставившим бездуховности времени укорененную в национальном сознании правду Православия.

Показательно, что и отношение прозаика к традиции, и его собственное видение «положительно прекрасного человека» со временем менялось. На характере представлений Шмелева о совершенном герое не могли не сказаться кровавые уроки трех русских революций и обстоятельства эмиграции, поэтому правомерно говорить об эволюции авторского идеала.

Развитие взглядов писателя на природу человека, его нравственное состояние и национальное естество предопределялось и во многом регулировалось стремительно меняющейся социально-политической ситуацией. При этом роль различных общественных сил связывалась Шмелевым прежде всего с идеей устройства народного благополучия, воплощения идеалов моральной чистоты и добра.

Взгляды писателя периода первой русской революции запечатлела повесть *В новую жизнь* (1907). Симпатии прозаика на стороне «людей простого уклада», а также студентов-разночинцев, будущих земских врачей, которые заботились о просвещении народа, пробуждении в нем чувства собственного достоинства. Героев-студентов отличает уважение к труду, сочувствие тяжелой доле народной и готовность любой ценой облегчить участь человека, еще недавно не имевшего надежды на будущее. «Мы многим обязаны народу, – излагает свою жизненную философию студент Прохоров. – И мы должны идти к нему, помочь... Даже умереть с ним, если придется...» (Shmelev, *Sobraniye sochineniy v 12 tomakh*, t. 1 74).

Жажда честной деятельности и благородные порывы студентов находят выход, в том числе, в заботе о мальчике Сене, из бедности отданном в «ученье» к владельцу медной мастерской. Рассказы мастера Кирилла Семеныча, занятия со студентами, а также общение с профессором Фрязиным и обучение в Земледельческой школе открыли ребенку новый мир, освещенный верой в созидательную силу ума и знания. Именно она связывается в сознании повзрослевшего Сени с надеждой на то, что народ «выпрямится во весь рост» и смело зашагает к новой, счастливой жизни.

В период первой русской революции основания нового жизнеустройства виделись Шмелеву, главным образом, на путях нравственного совершенствования человека. Отсюда любовное живописание не только героев из народной среды, но и «ученых», «образованных», «правильных» разночинцев с их искренним и бескорыстным желанием послужить народу.

Утопизм народнических идей для Шмелева стал очевиден уже после событий 1905 года. Так, безымянная учительница из рассказа *Жулик* (1906) не только оправдывает вора-рецидивиста как жертву «середы», но и ставит знак равенства между уголовными и политическими преступлениями: «Товарищи вы, говорит, наши, и мы за вас... И вы, говорит, и мы, если разобрать, все равно по одной причине...» (Shmelev, *Sobraniye sochineniy v 12 tomakh*, t. 1. 489).

В эмигрантских описаниях пореволюционной России (*Солнце мертвых* (1923), *На пеньках* (1924), *Два Ивана* (1924), *Про одну старуху* (1924), *Няня из Москвы* (1933), *Крымские рассказы* (1936)) герои-разночинцы представляли либо в образах революционеров, возмечтавших устроить счастье народа посредством всеобщего разрушения, либо в образах невольных жертв радикального жизненного переустройства.

Мечтательный костромчанин Иван Степаныч (*Два Ивана*), за прилежание получивший место учителя в городке у моря и представлявший Крым чудесной страной «за гранью непогоды», был человеком тихого нрава «с доброй народнической закваской»: читал Короленко и Глеба Успенского, любил Некрасова и Златовратского, питал «горячие чувства к народу и человечеству». Революцию принял восторженно, свято веря в благие народные силы, которым теперь «открыт выход». Тревожная совесть героя не позволяла бездействовать, и он записался в партию и зачислился в комитеты, писал проекты, уставы, посылал и получал телеграммы, самозабвенно выступал на собраниях, где говорил, что «будущее принадлежит народу, выявившему в эти исторические дни свой гений...» (Shmelev, *Sobraniye sochineniy v 5 tomakh*, t. 2 41).

Очень скоро герой на собственном опыте убедился, что революция не только убила лучшее, что было в народе, но и разворошила в нем низкие страсти. Теперь уже безо всякого воодушевления смертельно больной учитель в загаженной и холодной школе учил «одичалых ребят» новой правде, призванной, ни много ни мало, ошастливать человечество: «Он читал им из тощей книжки, присланной от начальства, диковинные фразы: ‘Пролетариат... несет... свет... миру...’ (...) Дальше... ‘Нет бога...’ С маленькой буквы – ‘бога’! (...) ... ‘а лишь... природа...’» (Shmelev, *Sobraniye sochineniy v 5 tomakh*, t. 2 46). Вряд ли при этом герой усматривал связь между его инициативой по отмене утренней молитвы и моральной вседозволенностью, воцарившейся в «страшной», «бестолковой» жизни. Показательно, что на лекцию «О нравственных предпосылках революции», прочитанную учителем в Народном Университете, пришло пять человек, знакомых.

Разоблачая заблуждения, ложное народолюбие или радикализм героев-разночинцев, Шмелев полемизировал не только с популярным сюжетом революционно-демократической литературы, но и с трактовкой образа героя нового времени, тон которой был задан программным романом Н.Г. Чернышевского *Что делать?* (1863). В этих произведениях прогрессистски настроенный персонаж по отношению к косной окружающей среде играл роль учителя жизни. Самоотверженная преданность передовым идеям у интеллигентов-разночинцев часто облекалась в форму религиозного служения с элементами мученичества, связанного с готовностью посвятить жизнь «делу» или даже отдать ее во имя идеалов революции.

Парадоксально, но похожую деформацию религиозных чувств переживали и шмелевские героини из народа. Например, «примятую» душу запойного сапожника Уклейкина внутренняя потребность веры обратила не к вере, а к утопичным идеалам общественной справедливости. Такой поворот сюжета был одновременно и данью исторической правде, и следованием литературной традиции, и творческой новацией Шмелева. Впоследствии именно опыт духовного возрастания станет первоосновой преобразования шмелевских героев, а социально-политическая проблематика будет побеждена вопросами духовно-нравственными.

В изображении Шмелева эмигрантского периода героини-шестидесятники выглядят отнюдь не идеалистами. Их идейные правопреемники – «новые люди» пореволюционного времени, воинствующие безбожники, движимые не столько идейными убеждениями, сколько личными мотивами, иногда с откровенно уголовным уклоном. Писателя интересуют не так события большой истории, связанные с глобальной ломкой государственной системы, как разрушение традиционных жизненных ценностей. Особое внимание он обращает на широкое распространение безбожия, попрание веры.

Историческую вину русской интеллигенции Шмелев видит в культе ложных гуманистических ценностей, в оболванивании народа, отказе от морали, которой жило все человечество и которая предусматривала выбор средств борьбы: «(...) Все заповеди они заменили одной – все можно. (...) Раскинуты были перед глазами масс, не способных на сознательный подвиг, все животные блага мира, все те соблазны, которыми соблазняет дьявол: право на все решительно, до безнаказанного убийства» (Shmelev, *Sobraniye sochineniy v 12 tomakh*, t. 6 530). Ложное человеколюбие оказывается небезобидной иллюзией, меняется сам тип революционера: на смену идеалистам-праведникам приходят ловкие авантюристы и жестокие злодеи.

Многообразные по форме художественного выражения типы «новых людей» в творчестве Шмелева являются следствием разрушения в человеке его духовной природы. Революционеры, начавшие с коренной ломки русской государственности, закономерно пришли к отрицанию устойчивых форм бытового и семейного уклада, моральных ценностей. Приглушение души обернулось торжеством темных инстинктов, слепого животного начала. Страшная потеря очевидна для героя рассказа *Голуби* (1918): «Когда пришла пора по-новому строить жизнь, мы утратили самое дорогое, человеческое в душе!» (Shmelev, *Sobraniye sochineniy v 5 tomakh*, t. 1 442). О печальных результатах общественного переустройства по-своему сожалеет неграмотная няня из Москвы, Даря Степановна Синицына. «Все вы гордые, самодовольные, образованные... (...) все мы, да мы, все переделаем по нас! Вот и переделали, мызгаемся... от гордости навертели, – определяет первопричины всеобщей смуты неискушенная в общественных вопросах героиня. – Все вы ненастоящие, (...) под людей только притворяются, на себя радуются только» (Shmelev, *Sobraniye sochineniy v 12 tomakh*, t. 9 213).

Вредоносному воздействию идеологии революционного радикализма подверглись многочисленные герои из передовых, в числе которых Сергей Тучкин, сын жандармского унтер-офицера, и его друзья (*Вахмистр*), дочь чиновника казначейства Надя Крошкина, а также безымянная учительница (*Жулик*), «нигилист» Ленья (*Распад*), Николай Скороходов (*Человек из ресторана*), коннозаводчик Бабарыкин, сын тюремного надзирателя учитель Панфилка, (*Смешное дело*), студент-химик Василий (*Записки не писателя*), акушерка Зинаида, студент Померанцев (*История любовная*), господина Дарьи Степановны Синицыной (*Няня из Москвы*), акушерка с «пахитоской», венгерка-«жоржзандочка», «стриженная» из Казакова, чета Вейденгаммеров (*Пути небесные*) и другие. Так, в благостную, почти «райскую» атмосферу Ютова (*Пути небесные*) то и дело проникают тревожные вести, становой Бабушкин беспокоится, что «опять в Мухине поджог, (...) а в Зазушье опять листки, подметные (...) стрыженую одну видали в Казакове (...)» (Shmelev, *Sobraniye sochineniy v 12 tomakh*, t. 12 452).

Красноречивы шмелевские определения «героев времени»: «издеватели», «дикари», «отшибки», «злодеи», «нигилисты», «разнузданные», «кощуны», «анафемы», «волки».

Втиснув человека в прокрустово ложе биологических законов, «развитые люди» ограничили его возможности «рефлексами головного мозга». «Анатомия», «связь», «инстинкты», «раздражение нервов», «физиология» составляли не только словарь, но и мораль новых людей. Апофеозом идеалов

и запросов «природного» человека может служить рассказ об обезьянке Марточке, которую герой «высокого образования», господин Бабарькин, обучил крестному знаменю (*Смешное дело*).

Однако, по мнению Шмелева, главная опасность революционной идеологии состоит в том, что она развратила и запутала народ. Интеллигенция, по недомыслию или из выгоды вовлекшая «русского простеца» в революционную смуту, с ужасом наблюдала пробуждение в человеке зверя. С началом красного террора для учителя Ивана Степаныча (*Два Ивана*) пресеклась «дорога в прекрасное будущее» и уже не было прежней уверенности, что «впереди... огни». Иссякли и упования на обустройство новой жизни вместе с народом, в котором герой жестоко разочаровался. «Мы тонем! – с ужасом думал он. – Представители духа, мы сходим на нет. На смену идут эти...» (Shmelev, *Sobraniye sochineniy v 5 tomakh*, t. 2 43). Теперь раздраженный и больной учитель называл дрогалея, молочников и огородников «утрудящими», хотя еще недавно в его обиходе было чудесное слово «народ».

Шмелев не отрицал, что революционные события разбудили в темной массе животные инстинкты. Однако вера писателя в здоровое национальное начало победила впечатления от циничных и жестоких проявлений народного естества. Не отрицая противоречивости национального характера, писатель отстаивал идею «многогранности» народной души, основу которой составляет глубокое духовное начало.

Внимательное, сострадательное отношение к «унылым», «задерганным» жизнью героям, понимание боли человеческой всегда было отличительной чертой творчества Шмелева. «В таких людях из жизненных задворков видал я много ценнейшего и простого – великого» (Vil'chinskiy 189), – писал он. Доброта, совесть, способность к состраданию и прощению, по мнению писателя, не только доминантные черты характера простого сердцем человека, но и лучшие национальные качества. Начав с детских наблюдений «на дворе», Шмелев на протяжении всей жизни вдумчиво и с большой любовью относился к человеку труда, живописуя его в разных жизненных ситуациях, в том числе на поворотных пунктах истории. С образом русского мужика как одного из центральных персонажей русской жизни писатель все чаще связывал свои представления об идеале.

Искренняя любовь Шмелева к простому человеку нашла отражение в изображении народных характеров, выписанных с глубоким уважением к заключенному в них духовному потенциалу, берущему начало в христианской традиции. Со временем живописание героев из народа в творчестве писателя получало все большую идейно-художественную определенность,

постепенно приближаясь к образу «положительно прекрасного человека» как воплощения авторского идеала. В разгар второй мировой войны, работая над вторым томом *Путей небесных*, Шмелев писал: «(...) Святая струя... хранится в св. Руси. Мне важно это показать. Эта струя – в наших святых и добрых людях Руси, – при всем окаянстве зла в современности» (Shmelev, *Perepiska*, t. 1 43).

Галерея героев из народа в творчестве Шмелева чрезвычайно разнообразна. Широкая картина социальной жизни России предстает в изображении различных народных типов и их места в общественной иерархии, начиная от безграмотных крестьян до пестрого мастерового люда: шорников, сапожников, кузнецов, дворников, резчиков, кучеров, водоливов, плотников, маляров, кровельщиков, пильщиков.

Человек из народа – это и умудренный тяжелой крестьянской жизнью до дара «слушать землю» дед Савелий, «старший мастер» и большой почитатель науки Кирилл Семеныч (*В новую жизнь*); добрый Микита Иваныч (*Однажды ночью*); знаменитый резчик Антип Захарыч, кучер Архип, «хлопотунья» бабка Василиса (*Распад*); запойный сапожник Дмитрий Васильевич Уклеikin (*Гражданин Уклеikin*); официант Яков Скороходов (*Человек из ресторана*); художник-самородок Илья Шаронов (*Неупиваемая Чаша*); «утешитель» дед Софрон, детски чистый душой охотник Дробь (*Под небом*); пастух Хандра-Мандра, глухой старик Захарыч (*Росстани*); человек духовной жизни Михаил Панкратыч Горкин, плотник Мартын, старик Егорыч, лесник Михал-Иванов, стряпуха Марьюшка (*Лето Господне*); многоопытная няня из Москвы Дарья Степановна Синицына (*Няня из Москвы*); человек строгой жизни дворник Карп, независимая и прямая Аграфена Матвеевна (*Пути небесные*) и многие другие.

Богатство и широта народной души, скрытые под спудом жизненных тягот, волновали Шмелева на протяжении всего творческого пути. При этом писатель не избегал изображения пороков, которым повсеместно подвержены люди простой жизни, однако сущность национального характера видел в другом. «Запечатанная» душа народа настойчиво прорывалась через темноту и угнетение жизни, обещая большую человеческую будущность: «...Старые кацавейки и тулупы, с неизбежными серыми швами, пиджаки с чужого плеча... Вереницы всклокоченных голов под сбитыми картузами. Скуластые лица, уныло выглядывающие на Божий мир. Затхлым запахом сырых углов и черствых корок пахнет от них. (...) Черна их судьба. Тяжкие молоты бьют и плющат их на всех путях и перекрестках куда-то подвигающейся жизни. И кто знает, какие несознанные миры несут они под некази-

стой своей покрывкой? Какие взмахи таятся в них?! И, Боже, какой, быть может, нежный росток уже готов брызнуть из этих серых морщин растрескавшегося человечества!..» (Shmelev, *Sobraniye sochineniy v 12 tomakh*, t. 2 457-458). Наиболее существенными чертами национального характера Шмелев считал неистребимую никакой злой волей духовную силу, совесть, сострадание, трудолюбие.

Тема созидательной красоты труда – одна из главных в живописании положительных народных типов. О величии и зидательной силе народного гения, о тяжелом труде рассуждают «правильные люди» из повести «В новую жизнь»: «Мало мы знаем свой народ!.. И сколько хороших людей есть в народе!.. И сердце великое, и ум...» (Shmelev, *Sobraniye sochineniy v 12 tomakh*, t. 1 71). Энергией, мастерством и самоотверженностью простого человека восхищен судоходный смотритель Серегин (*Волчий пережат*), жизненный опыт которого противоречит устоявшемуся представлению о склонности русского человека к безделью. В том, что вся жизнь на народном труде стоит, не сомневаются герои *Богомолья* и *Лета Господня*.

Отношение к трудовой деятельности – важнейшая характеристика духовной жизни человека, показатель его богоугодности. В представлениях Михаила Панкратыч Горкина, духовного наставника автобиографического героя Шмелева (*Богомолье, Лето Господне*), труд сродни подвижничеству. Это один из путей, ведущих к спасению души.

Характер эволюции и итоги обретений героев на пути к авторскому идеалу в эмигрантском творчестве Шмелева получили вполне определенное направление, где социально-идеологическая проблематика постепенно уступала место духовной. Европейская мораль не только обнажила новые пороки злой, необузданной воли, но и вконец запутала и без того сошедшее с рельс человечество. «‘Мораль’ так называемых ‘демократий’ – не Христов Закон» (Shmelev, *Perepiska*, t. 1 573), – с горечью констатировал писатель. Разнообразные шатания человеческой природы, вызванные как революционным маревом, так и проявлением темных сторон души, побеждались величием религиозной истины. В качестве наиболее показательных примеров внутренней силы и способности к духовному водительству писатель избрал, в первую очередь, женские типы.

Повышенное внимание к женской судьбе и женскому характеру как воплощению наилучших качеств души народа всегда было отличительной чертой русской словесности. Положительные женские образы в произведениях древнерусской литературы давали представление о различных проявлениях национальной духовной культуры. Образы княгини Ольги, сестер

Марфы и Марии, святой Февронии являлись олицетворением милосердия, сострадания, добропорядочности и бескомпромиссной честности, образцом деятельной любви и жертвенности. Эти качества определяли святость и праведность героинь.

Шмелев возымел твердое намерение сказать новое слово в «споре» классиков о русской женской доле. В том же контексте полемической преемственности духовных ценностей и эстетических канонов русской классической литературы продолжились поиски «положительно прекрасного человека», тем более что без живописания женских образов в решении этой творческой задачи было не обойтись. Это новое давно вызревало в художественном опыте писателя и должно было окончательно утвердиться в его итоговом романе. История золотшвейки Дарьи Королевой, в известной степени синтезирующая и претворяющая классические образы, должна была послужить не столько примером русской женской судьбы, сколько одним из вариантов духовного становления личности.

Авторская сверхзадача и жанровые новации *Путей небесных* служили прямой отсылкой к авторитету отечественной словесности XIX века, о чем Шмелев не раз открыто заявлял: «Наша великая литература дала чудесные образцы волевых женщин, девушек русских... – куда больше и ярче, чем волевых мужчин» (Keler 235). Особенно ценным представлялся Шмелеву образ, созданный творческим гением Чехова в рассказе *Дом с мезонином*, преемственно связанный с образом Аглаи Епанчиной из романа Достоевского *Братья Карамазовы*: «(...) Какие возможности в Мисюсь... О, в этой его Мисюсь – вся русская чудесная душа... пусть лишь – ‘набросок’ (...). Но о сем надо томы писать... или большой роман. Ни Достоевскому, ни Чехову не суждено было завершить. (...) Предчувствую, что я – не сознавая – искал того же в ‘Путях небесных’. Моя Даринька пока в зародыше» (Keler 235).

В Дарье Королевой художник показал качества, недостаточно, неполно или вовсе не представленные в классических образах, но концептуальные для воплощения авторского идеала – религиозность, способность к духовному водительству. Героиня, предназначенная писателем для созидательного делания, решала главную задачу итоговой книги: «дать русскому человеку пример благостности и роста» (Shmelev, *Perepiska*, t. 3 54). Не случайно А. Амфитеатров сравнивал писателя с иконописцем, который пишет для монастырского собора образ Мадонны: «Его задача написать не картину для любования праздных зрителей (...), но ‘Лик’, влекущий к вере, молитве и покаянному возрождению» (Amfiteatrov 8).

В поисках «положительно прекрасного человека» Шмелев то и дело сопрягался с опытом автора *Братьев Карамазовых*, в том числе и на пути создания религиозно обоснованного романа. Не случайно поэтому образ Дариньки соотносим не только с «кроткими» Достоевского, но и с героями житейного типа (князь Мышкин, Алеша Карамазов), а также Христа ради юродивыми, круг которых достаточно широк (Марья Тимофеевна Лебядкина, Лизавета Ивановна, Лизавета Смердящая, Мармеладов, Маврикий Николаевич, Дарья Шатова, старец Зосима и др.). Однако доминантной в характеристике главной героини шмелевского романа оказывается другая традиция Достоевского, связанная с идеей духовного водительства, сильного вспоможения в духовной судьбе человека.

Героиня *Путей небесных* призвана не столько спастись и возродиться, сколько спастись и возродить. Исключительная духовная сила Дариньки позволяет ей сохранять чистоту в искушениях и соблазнах и служить созидательному преобразению окружающих. Способность к духовному водительству сближает Дариньку с Сонечкой Мармеладовой, чье смирение, кротость и действенная любовь оказываются спасительными для Раскольникова. Обе героини всегда и во всем полагаются на Высшую Волю, верят в Господню защиту и утешение в скорбях, идут к Свету через грехи и пороки, и учат они об одном – очистительности страдания.

Таким образом, в поисках «положительно прекрасного человека» Шмелев прошел путь от увлечения образами революционеров-идеалистов до признания правды Православия. Доискиваясь первооснов в представлениях об идеальном герое, писатель обратился к народно-национальной стихии, полагая духовное начало доминантной чертой русского характера и выражением подлинных чаяний и устремлений «человека простого сознания».

На характере эволюции идейно-художественных взглядов Шмелева сказалось взаимодействие его прозы с литературным опытом предшественников. Творческая и личная судьба закономерно привела писателя к изображению женского характера как средоточия лучших черт русской души и христианских ценностей. Идея духовного водительства стала сущностной характеристикой главной героини последнего романа писателя, отразившего его сокровенное желание «обожить» литературу, показав восхождение человека к Богу в соответствующей этой идее синтетической жанровой форме. Такого рода замысел открывал перед Шмелевым и перед всей русской словесностью особые перспективы в изображении идеального героя как героя верующего и воцерковленного.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Amfiteatrov, Aleksandr. «Svyataya prostota». *Vozrozhdeniye*, 1937, 20 marta, ss. 6-8 [Амфи-театров, Александр. «Святая простота». *Возрождение*, 1937, 20 марта, сс. 6-8].
- Gvozdk, Tat'yana. «I.S. Shmelev i D.S. Merezhkovskiy: k probleme 'svyatoy ploti'». *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskiye nauki. Nauchnyy zhurnal*, t. 6 (72), no 1, ss. 15-27 [Гвоздик, Татьяна. «И.С. Шмелев и Д.С. Мережковский: к проблеме 'святой плоти'». *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал*, т. 6 (72), № 1, сс. 15-27].
- Keler, Lyudmila. *Russkaya literatura v emigratsii. Otdel slavyanskikh yazykov i literatur Pitsburgskogo universiteta*, 1972 [Келер, Людмила. *Русская литература в эмиграции. Отдел славянских языков и литератур Питсбургского университета*, 1972].
- Khalizev, Valentin. *Teoriya literatury*. Akademiya, 2009 [Хализев, Валентин. *Теория литературы*. Академия, 2009].
- Shmelev, Ivan. *Perepiska s O.A. Bredius-Subbotinoy. Roman v pis'makh: v 2 tomakh*, t. 1. ROSSPEN, 2003 [Шмелев, Иван. *Переписка с О.А. Бредиус-Субботиной. Роман в письмах: в 2 томах*, т. 1. РОССПЭН, 2003].
- Shmelev, Ivan. *Perepiska s O.A. Bredius-Subbotinoy. Neizvestnyye redaksii proizvedeniy*, t. 3 (dopolnitel'nyy), ch. 2. ROSSPEN, 2006 [Шмелев, Иван. *Переписка с О.А. Бредиус-Субботиной. Неизвестные редакции произведений*, т. 3 (дополнительный), ч. 2. РОССПЭН, 2006].
- Shmelev, Ivan. *Sobraniye sochineniy v 5 tomakh*. Russkaya kniga, 2001 [Шмелев, Иван. *Собрание сочинений: в 5 томах*. Русская книга, 2001].
- Shmelev, Ivan. *Sobraniye sochineniy v 12 tomakh*, t. 1. Sibirskaya Blagozvonnitsa, 2008 [Шмелев, Иван. *Собрание сочинений в 12 томах*, т. 1. Сибирская Благовонница, 2008].
- Vil'chinskiy, Vsevolod. «I.S. Shmelev v zhurnale Rodnik». *Russkaya literatura*, 1966, no 3, ss. 185-190 [Вильчинский, Всеволод. «И.С. Шмелев в журнале Родник». *Русская литература*, 1966, № 3, сс. 185-190].

В ПОИСКАХ «ПОЛОЖИТЕЛЬНО ПРЕКРАСНОГО ЧЕЛОВЕКА»:
ЭВОЛЮЦИЯ АВТОРСКОГО ИДЕАЛА В ТВОРЧЕСТВЕ
ИВАНА ШМЕЛЕВА

Р е з ю м е

Изучение художественных открытий Ивана Сергеевича Шмелева на пути поисков положительного героя невозможно без учета предшествующего литературного опыта, тем более что сам писатель высоко ценил заслуги русской литературы в изображении идеального или близкого к идеалу персонажа. В стремлении к живописанию «положительно прекрасного человека» Шмелев прошел непростой путь от увлечения образами революционеров-идеалистов до признания правды Православия. Доискиваясь первооснов в представлениях об идеальном герое, писатель обратился к народно-национальной стихии, полагая духовное начало доминантной чертой русского характера и выражением подлинных чаяний и устремлений «человека простого сознания». На характере эволюции идейно-художественных взглядов Шмелева сказалось взаимодействие его прозы с опытом Достоевского и Чехова. Творческая и личная судьба закономерно привела писателя к изображению женского характера как средоточия лучших черт русской души и христианских

ценностей. Идея духовного водительства стала сущностной характеристикой главной героини последнего романа писателя, отразившего его сокровенное желание «обожить» литературу. Такого рода замысел открывал перед Шмелевым особые перспективы в изображении идеального героя как героя верующего и воцерковленного.

Ключевые слова: Шмелев; эволюция; авторский идеал; литературная традиция; женский образ; верующий герой.

W POSZUKIWANIACH «POZYTYWNE PIĘKNEGO CZŁOWIEKA»:
EWOLUCJA AUTORSKIEGO IDEAŁU W TWÓRCZOŚCI
IWANA SZMIELEWA

Streszczenie

Badanie artystycznych odkryć Iwana Sergiejewicza Szmielewa na szlaku poszukiwań pozytywnego bohatera nie jest możliwe bez uwzględnienia wcześniejszego doświadczenia literackiego, tym bardziej że sam pisarz cenił wysoko zasługi literatury rosyjskiej w ukazywaniu postaci idealnej lub bliskiej ideałowi. W dążeniu do opisu «pozytywnie pięknego człowieka» Szmielew przeszedł nielłatwą drogę od zachwyty obrazami rewolucjonistów-idealistów do zaakceptowania prawdy prawosławia. Doszukując się prawyobrażeń o idealnym bohaterze, twórca zwrócił się ku żywiołowi ludowo-narodowemu, wychodząc z założenia, że pierwiastek duchowy jest dominującą cechą charakteru rosyjskiego i wyraża rzeczywiste marzenia oraz dążenia «człowieka prostej świadomości». Na specyfice ewolucji ideowo-artystycznych poglądów Szmielewa odbiły się wzajemne relacje jego prozy z doświadczeniem Dostojewskiego i Czechowa. Twórczy i osobisty los ostatecznie przywiódł pisarza do wyobrażenia kobiecego charakteru jako syntezy najlepszych cech duszy rosyjskiej i wartości chrześcijańskich. Idea duchowego przewodniczenia stała się istotną cechą głównej bohaterki ostatniej powieści pisarza, odzwierciedlającej jego głębokie pragnienie ubóstwienia literatury. Takiego rodzaju zamysł otworzył przed Szmielewem szczególnie pespektywy w wyobrazeniu idealnego bohatera jako wierzącego i zakorzenionego w Cerkwi.

Słowa kluczowe: Szmielew; ewolucja; ideał autorski; tradycja literacka; postać żeńska; wierzący bohater.

IN SEARCH OF A “MORALLY OUTSTANDING PERSON”:
THE EVOLUTION OF THE AUTHOR’S IDEAL
IN THE WRITINGS OF IVAN SHMELEV

Summary

It is impossible to search Ivan Sergeyevich Shmelev’s artistic findings for a positive character without considering his previous literary experience, especially since the writer himself commented on the merits of Russian literature in depicting a perfect or close-to-perfect character. In order to describe the “morally outstanding person”, Shmelev trod an uneven path between being carried away by the images of idealistic revolutionaries and recognising the truth of Orthodoxy. Seeking out the fundamental principles in the idea of a perfect character, the writer turned to the national people element, believing that the spiritual principle was the dominant feature of the Russian character and the expression of the true aspirations and motivations of the “simple man”. The evolutionary nature of Shmelev’s high-principled artistic views were influenced by the inter-

---

action of his prose with the experiences of Dostoevsky and Chekhov. His literary journey and personal life naturally led the writer to portray the female character as the best focus for the features of the Russian soul and Christian values. The idea of spiritual guidance became the main, essential character feature in the writer's last novel which reflected his innermost desire to "divinise" literature. This kind of idea opened up some special perspectives for Shmelev in a convincing simulation of the ideal character as a believer and churchgoer.

Keywords: Shmelev; evolution; author's ideal character; literary tradition; image of woman; believer.